

Пролетарская Москва ждет своего художника!

Отобразим новую Москву!

Статья председателя МОСПС
И. В. ДРОЖЖИНА

Память — непрочная вещь! Мы уже начинаем забывать, что собой представляла старая, дореволюционная, «златоголовая» «матушка Москва» белокаменная, с ее городскими стенами.

И хотя она на все лады воспета писателями и поэтами победительно-го класса, начиная от древних иннокентийских, мы, несмотря на это, знаем очень мало правдивых рассказов о том, в каких жутких условиях жил и работал московский пролетариат, нынешний хозяин красной столицы.

В самом деле! Чем восторгались писатели и поэты «земли русской», описывая прелести «первопрестольной»?

Они воспевали «соборы главы золотые» и «палаты и дворцы», «гостеприимство, хлебосольство» и прочие аксессуары помещичье-помещичьего купеческого благоденствия! Есть очень немногие книги, в которых правдиво описана «оборотная сторона медали». Как жила рабочая окраина, веками утопавшая в грязи, мраке и водке и бдительно охраняемая полупьяным дерзким охранником-полицейским? Что творилось в ночлежках, харчевнях, чайных? Как выглядела переполненная рабочая казарма с ее нарами, на которых валились измученные, полуголодные люди, влажные жалкое существование хозяйских рабов? В каких условиях шла подпольная революционная работа нашей большевистской партии, как велась подготовка к взрыву? А героический 1905 год с баррикадами, боями на Красной Пресне? Поражение и новые бурные подъемы стачечного движения в 1912—1913—1914 годах?

От городской думы нам досталось чрезвычайно плохое наследство.

Проводя свою классовую линию, городское самоуправление старой Москвы заботилось исключительно о благоустройстве буржуазных кварталов, едва ограничивавшихся вышедшим кольцом «А».

Уже одно перечисление тех огромных достижений, которые имеет сегодняшняя наша красная Москва, пролетарская образованная столица, дает неограниченную пищу для любого художника — будь то художник слова или кисти.

«Революция дала возможность рабочему получить квартиру. Подмиллиона людей мы переселили из подвалов, коленно-коморочных квартир и казарм в бывшие буржуазные квартиры» (Л. Каганович).

А сколько мы построили новых заводов, абсолютно непохожих на старые, новых домов! Ведь наши рабочие районы по существу являются вполне благоустроенными городами. В новых домах на 75—80 проц. живут рабочие, которые имеют ванны, газ, центральное отопление, электричество.

А универмаги, а диспансеры, а клубы, скверы, парки культуры и отдыха, фабрики-кухни, хлебозаводы, дома-коммуны, детские учреждения!

Нет такой окраины в нашей Москве, которая не была бы связана с центром трамваями, автобусами. Новая Москва — вполне благоустроенный город, который не имеет ничего общего со старой Москвой.

Однако Московский комитет нашей партии, руководимый т. Кагановичем, считает, что сделано еще далеко не все. Впереди гигантская работа по дальнейшей социалистической реконструкции городского хозяйства красной столицы, которая в ближайшие же годы должна стать образцовым городом, примером для всей нашей страны.

Мы строим метрополитен, мы работаем над проектом постройки ки-

сковского порта, мы по-большевистски дерзнули на строительство замечательного канала, соединяющего реку Волгу с Москва-рекой.

Довольно перечислений! Сказано достаточно для того, чтобы понять, какой материал для поэта, писателя, живописца дает та огромная работа, которая уже проделана и продолжается сейчас по передельке Москвы и живущего в ней человека.

К сожалению, с этой тематикой у нас неблагополучно. Здесь на литературном фронте — явный провал.

Новая Москва перерождает старую и воспитывает нового человека, меняет его идеологию, привычки, нравы. Сколько тем может почерпнуть в новой Москве писатель.

Возьмите завод им. т. Сталина, покажите его превращение во всеобщий гигант.

Возьмите, наконец, самого человека и его переселение.

«Мы должны показать партийному и беспартийному рабочему его самого в процессе строительства нового, социалистического мира. Мы должны развернуть перед ним широкую картину его разнообразной работы, дабы этим возбудить его революционное классовое самосознание, углубить в нем понимание государственного значения его государственного труда, вызвать в нем разумное, социалистическое, хозяйственное, бережливое отношение к сырью и фабрикатам, к станку и машине, показать ему, что эта бережливость ведет к экономии самой ценной энергии — его же трудовой энергии».

Эти слова нашего великого пролетарского писателя А. М. Горького целиком и полностью можно применить при художественном отображении строительства новой пролетарской столицы.

КНИГИ, ПОЭМЫ, ПЬЕСЫ О МОСКВЕ

Что дали писатели о социалистической Москве в художественных произведениях?

МТП только недавно выпустило две книги поэм и стихов о старой и новой Москве Демьяна Бедного и А. Жарова. Вышла книга Н. Небольдина «Чортов камень» (о подмосковном бассейне). И только. А ведь МТП, как московское издательство, должно в первую голову заниматься московской тематикой.

Сейчас МТП уделяет несколько больше внимания созданию книг о Москве и Московской области. Сдал в издательство рукопись «Хамовники» Ив. Катаев. Заканчивает книгу о московском метрополитене Д. Крептюков. Над этой же темой работает писатель Персов. А. Архангельский сдал сатирическую поэму «Евгений Онегин в Москве». С. Бройде и М. Левидов собирают материал о строительстве столицы для книги «Первая столица» (Москва в первую пятилетку и в ближайшее десятилетие). Пишут книги о Москве Е. Выхрев «Ленинградское шоссе», Р. Акульшин — о Трехгорке.

МТП заключило договор с главной редакцией «Истории гражданской войны» о выпуске серии художественных книг «Октябрь в Москве» (в серию войдут все книги писателей о гражданской войне в Москве, написанных для ИГВ); приступлено к выпуску большого альманаха «Москва».

Но это все больше в планах будущего.

Мало книг на московскую тематику выпускают и другие издательства.

ГИХЛ, например, за весь 1932 год дал только 6 небольших книжек о рабочих московских предприятий (серия «Герои пятилетки»). В этом году ГИХЛ закончил договор с Ив. Катаевым на книгу

Т. Драйзер Другой мир

из книги
«ДРАЙЗЕР СМОТРИТ НА РОССИЮ»

«Вспомните старый Боуэри в Нью-Йорке с его сотнями и тысячами опустившихся на дно людей. А Суэс-стрит и Кларк-стрит в Чикаго — вспомните безудержное выражение в мутных глазах людей, которые бродят по этим улицам... И тут же Пятое авеню, Минчиган-авеню, Шенклей-драйв, блистающие роскошью, нарядные и величественные, какими только могли их сделать люди с неограниченными денежными средствами!»

Все это в известной степени существует у нас и теперь, но попробуйте сравнить это с Россией — какая разница! Думаю, что до сих пор ни в одной стране города не носили такого характера, как там. Где все богачи? Их нет. А где бедняки с лихорадочно горящими глазами? Их тоже нет. Вы можете пройти по улицам любого города СССР — Москвы, Ленинграда, Перми, Баку, Киева, Новосибирска — и не увидите даже намека на ту разницу между классами и между условиями жизни людей, которая с детства преследует нас в Америке.

Посмотрите на уличную толпу. Она, пожалуй, и не блестящая, и не очень хорошо одета, и не богата, а многие в ней бедны, но что кажется настоящей нищетой — где она? Куда исчезла удручающая нищета, которую вы чуть ли не франчески ощущали посподу по сравнению с выставленной напоказ роскошью тщеславных и ничтожных богачей?

В России ее не существует. Вы не можете ощущать ни нужды, ни роскоши, потому что ни той, ни другой нет.

И вот, когда думаешь, что у нас на Западе все богатства и материальные средства сосредоточены в руках хитрых и изворотливых людей, в руках паразитов, беспособных даже на обыкновенный честный механический труд, то хочешь крикнуть: «Неправильно!» Когда же думаешь о новом коммунистическом порядке, невольно говоришь: «Верно!»

Надо помнить, что если и убавишь блеск и показную роскошь, то по крайней мере исчезли из многих миллионов жизней материальная трагедия и острое сознание беспредельности. А это — немало!

Сергей Эйзенштейн Москва во времени

Москва, как тема, вообще единственная.

«Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть» — еще с средневековья является изречением старца Филофета о царской Московской самодержавной Москве.

Москва — как понятие есть, средоточие социалистического будущего всего мира.

И Москва — город, как живой образ пути прихода к социализму. Необъятен весь процесс роста и становления Москвы.

Как кино, необъятен в полноте процесс того, как из раба и смерда московия вырос до пролетарского Союза, с коллективным мозгом коммунизма в былой Первопрестольной.

Поэтому динамику событий на Москве для нашего нового фильма мы не разгоним в календарь истории Москвы и не во всеохватывающей борьбе классов и классовых партий.

Драматизм движения, динамику перипетий мы видим выходящими за пределы того, что на рубеже окончательного исторического его преодоления неогладимо очертил тов. Сталин:

«... История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость.

За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную...»

Таков уж закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волячий закон капитализма.

... В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество, и мы будем отстаивать его независимость...»

«... Либо смерть, либо догнать и переиграть передовые капиталистические страны...» (Сталин, «О задачах хозяйственников»).

Замысел наш — фоном воскресить этот шипящий бег сквозь «историю государства российского», где, может быть, как нигде, возможно сказать словами Маркса об истории пролетариата, что «она вписана в историю человечества неуничтожимыми знаками крови и огня».

Этот бег истории под пятой двойного порабощения — своими мироедами — кровососами, и рабочей зависимости через них от мирового денежного мешка и капитала.

Вот то, что тематически хотелось бы дать почувствовать сквозь перипетии общего плана картины.

Решение проблем, веками не разрешенных и революционным пинадательным разрешением диктатуры нашего пролетариата навсегда и образцом для подражания пролетариату всего мира.

И с этого общего фона должен отделиться растущий из рода в род третьи-четвертые этапы поколений — былой смерды и сегодняшнего хозяина «земли русской».

Пролетарий. Растущий через века Москвы — московский рабочий.

Шереметьевы. Долгорукие. Нарышкины. Блестяли гербами на фронтах. На дверцах карет. На мебели, подкладных суднах и блюдах.

Единогласно. Орлами. Ферзями. Шапками и шлемами. Фамильную геральдику.

«Москва» хотелось бы видеть гербом московского рабочего. Его генеалогией.

Его геральдикой.

Нам чудится сценарий глубоко сюжетным. Пронизанный конфликтом и перипетиями одной сквозной классовой борьбы по разным фазам. В единой сюжетной линии.

С героями и злодеями, перерастающими свои индивидуальные биографии в биографии движения классовых сил. Действий и инициатив, переходящих с деда к отцу и внуку, к правнуку.

Интрига, раздвинувшая рамки сакраментальных традиций сквановых единств шаблона кинематографической жокоуэвщины.

Раз установленный шаблон ки-

норамок для киносюжетов. В этих сюжетных образах хотелось бы практически обрести новую форму «шекспиризированья».

Само же обратное оформление фильма мы хотим провести в другой традиции — шекспировской — традицией, оформив ее по четверем стихиям: воде, земле, огню и воздуху, из сочетания коих сложились гармония и дисгармония вселенной для Шекспира.

Вола древнейшей части. Вола зарождения. И вола водных путей, Москва Москва-реки. Яуз. Озер. Прудов. Неглинки. Рукавов. Каналов. Речек. Свообразная Венеция плавующих в жиже грязи улиц, как мы в морях асфальта.

Как гад, вылезавший на сушу, чтобы в уверенности стая на ноги, так собирательство Москвы и созрелость, перерастающая в царский абсолютизм на следующей стадии оформляется, как твердь, как суша и земля.

Здесь Грозный перерастает через годы свой эстафет Петру.

Петру, уже плотно ставшему на погнутые выи феодалов, бояр и князей.

Петр, каторжным трудом, военными заводами, военнойной, вогняющей трудящихся в ярмо квалифицированной эксплуатации наемному патриархальности старомосковских способов по выжиманию соков. Древняя мудрость уча, что твердь — земля. А под землей, внутри — огонь.

Но под Петром в горах им заведенных фабрик и заводов, пушечных и литейных собирается другая огонь. Вола и суша подступов к картине — в центральной части разрастается огнем.

Ведущее звено картины идет под знаком пламени. Под знаком зарождения класса, роста, бунта, борьбы, чтоб вырасти до революции и оттого пути Октября.

С Петром, ведущим роль, перемещается на Север. Москва-ведущая на время затихает. Но колот протеста порабощенных в ней не перестает. И в ней на Лобном месте казнится Пугачев, продолжитель разинской инициативы.

Пусть их самих мы не увидим в фильме. Конфликт растет и неразрешен с ростом промышленных начинаний.

Пусть еще глух. Но вот как бы незавершенный прообраз последней «отечественной» войны четырнадцатого года» проносится война «отечественная» двенадцатого года.

Огонь восстаний готов уже вспыхнуть в связи с победоносным наступлением Наполеона и, разгоревшись в ослеплении, разлиться по всей «Руси великой».

В лесных и степных пожарах огонь бьет огнем же. Одну лавину огня — ветренной огненной лавиной.

И «пожар Москвы» пылает встречно надвигающемуся пожару ослепительных восстаний. Правящие классы бросают клубок пылающей Москвы под ноги наступающему Бонапарту. Красивый жест самоотверженной патристической героики. «Спасение родины от корсиканца» не больше, как ва-банк правящей верхушки, обхваченной паникой и мечущейся на вулканы.

Столетний перескок — и пылающий костер Москвы меняет форму: огненным кольцом пылает красным летуном вокруг Москвы прорвавшихся на пятом годе.

Москва в кольце огня. Внутри же горит пламя новой силы. Бедулей и обеспечившей возможность полноценной схватки, если еще не окончательной победы.

В центре горит революционный порыв новой классовой силы — московского пролетариата. И драматичный экскурс в лихорадку хаотически растущей капиталистической промышленности — колбелли растущей пролетарской силы класса.

Чтобы снова вернуться в черный дым костров, в ауто-да-фе, сгорающих пожаром баррикад на Красной Пресне.

Мрак черного густого дыма, как тяжкий мрак голов реакции. Эти годы — годы неустанной ковки, спруженной энергии, революционной практики, революционной работы большевизма.

А из огней догорающей под сапогом жандармов Пресни — к

увеселительным огням и фейерверкам, потешным развлечением потешной маленькой фигурки, справающей свой трехсотлетний день рождения Романовых в тринадцатом году.

И линия царя с последней вспышкой уходит под занавес войны четырнадцатого года и Февраля семнадцатого.

И класс против класса в схватке Октября. И в новой фазе тема огня, пулеметным огнем по Кремлю вводящая к власти новый класс.

И новым огненным кольцом жезла и крови славяна молодая власть, стоящая на месте старой. Соробен хозяин. Но в объединении с хозяином заморским он прет итервенцией на Красную Москву.

Москва опять становится на место центра. Советы организуют борьбу. И Москва, снова сжатая почти что до пределов Московии Грозного, победно организует отпор лавине нашествия нового Батия. В стократ страшнейшего, чем его ханско.

Но фронт за фронтом разбито итервентов. Варовано мертвящее кольцо на волах.

И с взрывом полной грудью мы выдыхаем воздух — четвертый элемент — воздух новой эры, воздух строки.

Но прежде чем погрузиться в огонь воздухоудовок и объединенной энергии и синтеза всех победительных стихий, еще раз мрачно запалают костры. Костры незабываемых ночей смерти Ильича. Костры морозных лютых ночей.

Костры, из которых затем запалают огонь много качества и силы. Огонь клятвы вести и дальше дело Ильича.

Стихия энтузиазма ленинского призыва в партию и пламенный обет пролетариата во главе с Лениным ЦК, тов. Сталиным продержит и завершит дело Ленина.

И свершенье. Историческое разрешение того, что веками в огне и крови не могло разрешиться.

Выход на свежий воздух социалистического свершенье.

Москва как центр величайших свершений.

Москва, как бешеная кузница строительства будущего.

Москва, под руководством партийной организации во главе с Л. Кагановичем, вырастающая в мировую лабораторию социальную и материальной стройки, ведущая ленинское дело до конца применю для всей республики и для стран всего мира, куда отовсюду будут съезжаться, чтобы учиться.

Это не фильм. Это — ядро, для которого предыдущее лишь разбег.

Изложенное, конечно, еще не сценарий. Это — одержимость темой, еще не принявшая форму.

Кое-где она уже закрепляется на будущее, кое-где намеком на будущий образ, где-то сюжетной сценкой, контуром фабулы, но всюду в попытке до конца охватить — если еще и не охватить и выразить всю необходимость темы.

Но изложенное — еще кое-что: — призыв. Без писателя, а может быть, и группы писателей не охватить до глубины того, к чему мы стремимся.

И пусть это изложение намерений послужит конкретным приглашением нашим писателям, которых увлекает эта тема, и под этим же углом зрения принять участие и непосредственно связаться со мною по сценарной работе.

Пусть «Москва» будет проверкой действительной готовности советской литературы сотрудничать с советским кино.

Жду конкретных предложений и откликов на сотрудничество по сценарию «Москва»!

С

От редакции: Поддерживая приглашение писателей тов. Эйзенштейном для совместной работы над картиной «Москва», считаем необходимым отметить, что, по нашему мнению, главной задачей картины должно быть изображение жизни и быта социалистической Москвы, чему может в сильнейшей степени помочь перегрузка картины всякого рода историческим материалом. Нам кажется, что перед такой задачей вполноту стоит С. М. Эйзенштейн.

Уот Кармон Благодаря Москве!

Я почти ежедневно получаю письма от революционных писателей Америки. Каждый из них говорит о своей глубокой любви к Москве. Будущей весной Джон Дос-Пассос привезет сюда свою новую и быть может наиболее значительную книгу. Майкл Голд до сих пор пишет о впечатлениях, которые произвела на него Москва.

Джек Конрай, роман которого «The Disimperited» скоро будет издан, собирается написать центральные главы своего нового романа в Москве.

У меня есть еще около пятидесяти таких писем. Все эти писатели хотят приехать в Москву, потому что они должны сюда приехать. Так же, как и я хотел сюда приехать. Нас тянет к Москве, как сталь к магниту, потому что Москва необходима революционному писателю, как воздух, которым он дышит.

Американцы, приезжающие сюда, говорят, что нужно по крайней мере несколько месяцев, чтобы привыкнуть к Москве. Это правда. Мы приходим из другого мира. Революционный писатель, в первое время своего пребывания чувствует себя, как человек, вышедший из тьмы на яркое солнце. Он ослеплен. Зная это ощущение, я до сих пор крайне удивлен смелостью некоего английского писателя, который я недавно встретил. Он «застает книгу» о Москве после краткого трехнедельного пребывания. Должен сознаться, что после шести месяцев жизни в Москве мои впечатления только сейчас начинают приходить в какой-то порядок.

Правда, я писал газетные вещи все это время. Писал больше, чем когда-либо в своей жизни за такой период времени. И разве может быть иначе? Москва — с ее никогда не прекращающейся напряженной жизнью пробивает в кровь, а потом уже ложится на бумагу.

Итак, я пишу больше, чем когда-либо, и кажется, что никогда не было столько тем. Мои товарищи писатели в Америке знают, что это так, и мечтают о дне, когда смогут приехать.

Я написал также несколько повел за это время; кроме того — хотя проект уже зрел — я теперь работаю над планом романа. Роман этот будет об Америке, но стимул для работы дала мне Москва.

Еще раз повторю — я очень много пишу с тех пор, как я в Москве. Я научился также больше уважать писательскую работу. Я значительно углубил свою политическую грамотность.

И однажды видел, как rozdali рабочим ружья. Они переключили их через плечо и пошли вдоль улицы уверенным шагом, с песнями. Конечно, я читал об этом раньше. Но зрелище это было для меня больше, чем четыре года политшкола. И за это тоже американец приносит благодарность Москве.

«Город давал деревне при капитализме то, что ее развращало политически, экономически, нравственно, физически и т. п. Город у нас, само собой, начинает давать деревне прямо обратное».

Ленин

